

№ 556
2

№ 10 (40)

Цена 3 рубля.

(обр. 1923 г.).

КРОКОДИЛ

Москва.

11 марта.

1923 г.

Дружеская сделка.

В связи с рурскими событиями, Германия принуждена покупать уголь за границей. На этих покупках Стайнес наживает 60 тысяч рублей золотом в неделю.

Из газет.

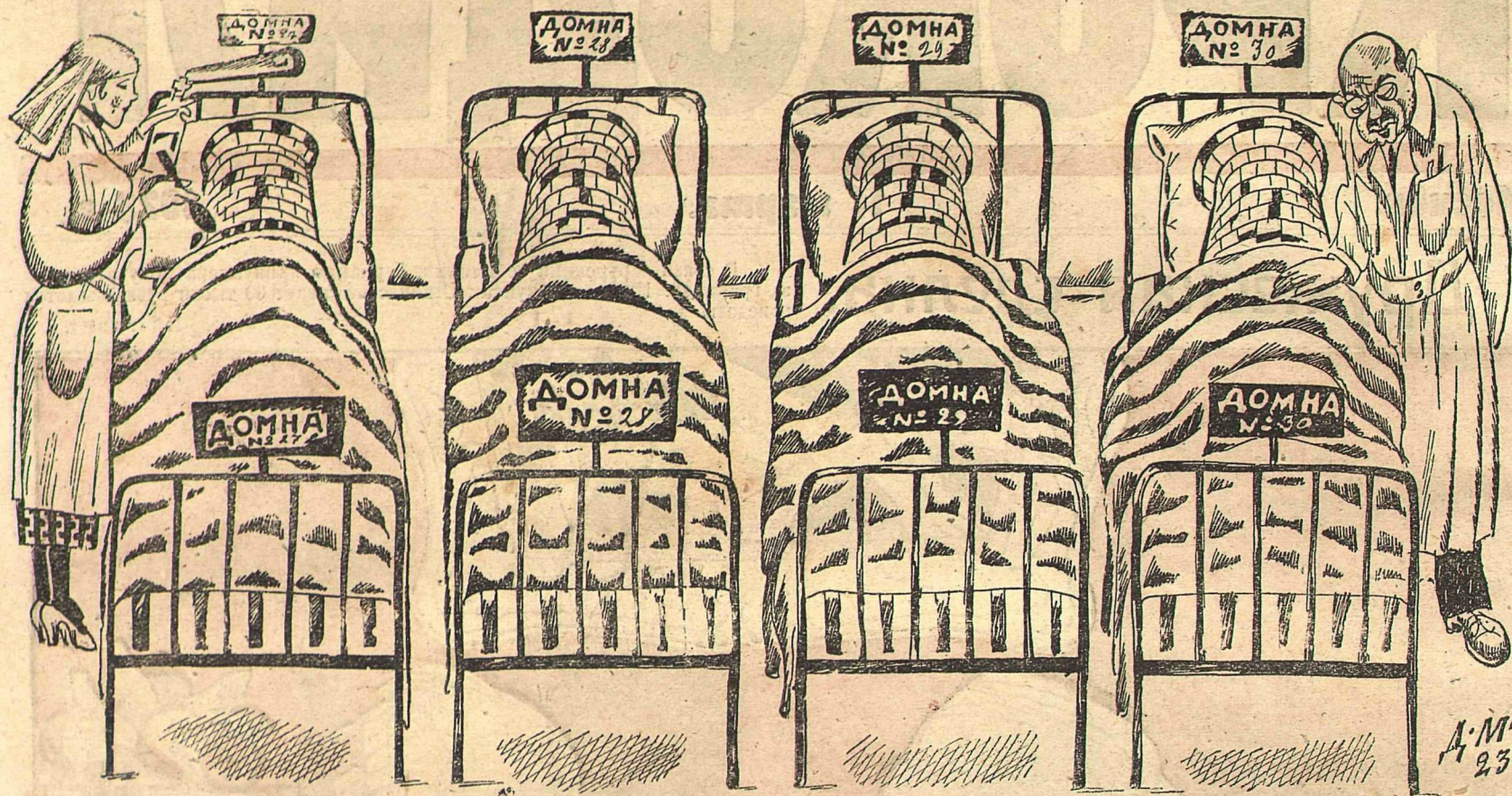

Стайнес (Пуаниаре): — Как честный немец, прошу тебя — затяни подольше эту оккупацию. Я согласен даже, чтобы ты работал на процентах.

НЕВОЛЬНАЯ ГОМЕОПАТИЯ.

Рис. Д. Мельникова.

В восточном промышленном округе Франции за последние недели погашены 30 доменных печей за недостатком угля. (Из газет).

Доктор (осмотрев больные домны):—Единственное спасение—рурский уголь! Давайте его им, сестра, через час по столовой и жже.
Домны (хором):—От вашей несчастной ложки мы протянем ножки! Мы привыкли глотать через час по десять вагонов!
Доктор:—Я умываю руки. Последняя надежда—это созвать консилиум из Пуанкаре, Фоша и Стиннеса...

На большой дороге.

(Репарационная сказочка).

Жил был немец. Не тот, который ест колбасу, а тот, который делает ее. Не тот, который пьет пиво, а тот, который изготавливает его.

И вот однажды приходит к этому немцу другой немец, в цилиндре и белых перчатках. И говорит он так:

— Ем я колбасу, которую ты делаешь, пью я пиво, которое ты производишь, много лет. И надоели они мне. Хочу вина, шампанского и бифштекса французского! Вот тебе в подарок—иди войной на француза, завойуй мне его вишневый сад и его стада.

Дела в нечего было немцу, потому что цилиндр угрожал ему револьверным дулом. Пошел.

Три года воевал он. И добрался уже было до виноградника и до стада. Тут он почувствовал сестрин толчок. Делать нечего: пришлось лететь обратно. И налетел он прямо на цилиндр и на белые перчатки. Не думая долго, немец, который делает колбасу и который готовит пиво, дал по голове той самой вишневой немцу, который эту колбасу ест и это пиво пьет.

Грохнулся цилиндр о землю.

Испачкались белые перчатки грязью и глиной.

Подумал немец:

— Конец. Теперь свобода. Новую жизнь начну.

В эту самую минуту приходит француз, не тот, что шампанское растит, а тот, что и пьет его, не тот, который бифштексы изготавливает, а тот, который ест их.

И говорит он немцу:

— Ты покушался на шампанское, которое я пью, и на бифштексы, которые я ем.

Ответил немец:

— Нет, не я. То был цилиндр. Я цилиндр сбил.

— Ну, все равно. Ты тоже немец. Отдай мне твою корову. Я ее зрешу на бифштексы. Надоели мне свои бифштексы, хочу репарационных бифштексов.

Плакал немец, плакали и дети его, потому что лишились они молочка. Да делать нечего.

Взял себе тот самый француз корову и сказал:

— Еще возьму и хату твою и землю твою. Будет тут жить мой слуга и я готовить репарационное пиво.

А этот немец стал ждать, что скажет француз,—не этот француз, а другой, который делает бифштексы и шампанское, но не ест и не пьет—их.

„ПОЛИТЧАС“.

(Не по русскому, а по рурскому).

Видит Пуанкаре что, дела его хуже становятся, решил от большевиков позаимствоваться, как они Красную Армию укрепили. У них в Красной армии политчас и мы в своей армии политчас введем!

Ввел.

Собрал зуавов чумазы—опору французской республики, выстроил в кружок.

— Что такое немец?

— Мишень!

— Что с мишенью делают?

— Стреляют в нее!

— Правильно! Кто Стиннес?

— Друг Пуанкаре!

— А рабочий?

— Враг Пуанкаре!

— Чего хочет рабочий?

— Беспорядка!

— Как устанавливается порядок?

— Залпом!

— Отлично! Что такое солдат?

— Механизм, стреляющий из винтовки!

— Может ли думать солдат?

— Нет!

— Почему?
— Механизм не может думать!

— Какая власть самая лучшая?

— Французская!

— Почему?

— Потому что она французская!

— Хорошо! Почему Рур должен быть французским?

— Потому что уголь в Руре такой же черный, как зуав, а все черное должно быть французским!

— Нужны ли французскому солдату книги?

— Нет!

— Почему?

— Потому что французский солдат курит табак из трубки, бумага же для папирос ему не нужна!

— Сколько среди вас грамотных?

— Ни одного!

— Почему?

— Потому что в нашей республике равенство...

— Так-с, отлично!—потирает руки Пуанкаре,—с такими политзнаниями никакого и политчаса не нужно!..

Л. Митницкий.

КОЛДУН.

Захудалый был мужичонка—запьянцовский и звали-то его не как других по изотчеству, а просто — Ивашка, хоть этому Ивашке под сорок! Всего прибутку у него, если у казенки на сороковку настреляет, да и то пропьет!

Но вот времена переменялись. Пришлось и Ивашке за какое нинаест дело браться. Оказалось, что он тоже мужик—избенка своя—не пропил, а во дворе только и есть, что старый хомут, да полторы оглобли.

А Ивашка свое дело нашел. Бабы соберутся, он и давай болтать:

— Видение, говорит, мне было. Стою это я бытто у казенки, а и казенка бытто открыта, а в небе тучи так ходунюм и ходят. И вот в тучах то...

Ивашка шопотом:

... в тучах то сама мати пресвятая Богородица!

— Брось, говорит, Ивашка, пить!—а сама на казенку показывает.—Получишь дар от господа бога!

По вечерам свечу зажжет и чего-то по книжке читает.

Несколько времени прошло—Ивашка опять рассказывает:

— Чорт, говорит, ко мне приходил—хвоста-а-атый! Отрекись, говорит, от веры православной... Ну я ему тут...

Все только диву даются—особливо бабы, ни к кому чорт не ходит, а вот поди ж ты к Ивашке пришел!

И объявился у Ивашки по евоным заслугам дар прозорливства. Пропали у Семена колеса—новый стан, только что купил. Искал что в воду канули, ну для шутки больше и зашел к Ивашке:

— Ты, говорит, прозорливством обладаешь, скажи мне, где колеса!

А тот хоть бы что:

— Отсыпь мучки во славу Николы чудотворца!

— Ладно—и на Николу дам и на Пантимиона дам—только найди!

Почитал Ивашка псалтырь, стеклышко взял, и над ним чего-то напечатал, потом посмотрел в стеклышко:

— Вижу, говорит, где колеса!

Как сказал, там они и оказались!

Семен не верил сперва, ну да такое дело кого хошь уверит!

— Кто вор - то? — спрашивает.

— Человек, говорит, не старый не молодой, не толстый не худой, ищи, говорит, где ветер дует!

Ну, а ветер по всей земле дует, где его вора найдешь? Да Семену только бы колеса, а вор-то бог с ним!

И пошла с тех пор слава про Ивашкин дар! У Матрены корова пропала—нашел! У Феклы лошадь со двора увели—нашел! Что по мелочи пропадет—все Ивашка укажет!

— Мне, говорит, за это ничего не надо—только вот на свечечку пудик муки, да леску привези, да сенца, да нет ли чего мало-мало по хозяйству! Глядишь, к осени все справил—даже озимые засеял! Бабы говорят:

— Вот по праведной жизни Ивашке добро бог дает!

А мужики свое:

— Бог ли, чорт ли—только допреж сего мало когда что пропадает, а теперь, что ни день, то кража!

У Ивашки один ответ:

— Вор,—говорит он,—с лица нездешний и место его незнаемое... Не ино—сам чорт!

Да и кому бы окромя чорта! Лошадь сведет—в овраге к дереву привяжет, плуг с поля утащит, в кусты забросит!

Кабы не Ивашка—пропасть! Стали мужики следить—кто ворует —и в тайности дозор по ночам посылать, выпало в дозор и Семену.

«Дай-ка не усну», думает Семен!

А сам все по деревне ходит. Вдруг в Ивашкиной избе—свет! Зажегся, а потом погас. И вышел будто бы Ивашка со двора среди ночи—да к Парфенову сараю...

Смотрит Семен, да за ним, за Ивашкой!

На другой день у Парфена кража! Борону унесли, а сегодня как раз боронить! Парфен к Ивашке:

— Неси, говорит, на свечечку...

Парфен будто домой, а сам за Семеном. Пришел Семен:

— Вот, говорит, я в мешечке для тебя припас... Говори!

Ивашка в стеклышко смотрит—там, говорит, и там припрятано!

А Семен ему:

— А вора не видишь?

— Незнамый, говорит, человек...

— Ну, ты плохо смотришь! Взял Семен стеклышко, да и говорит:

— Вижу, что вор—рыжий, синяя рубашка и зовут Ивашка!

Ивашка ни жив, ни мертв! Семен вынимает из мешка огромный кнутище.

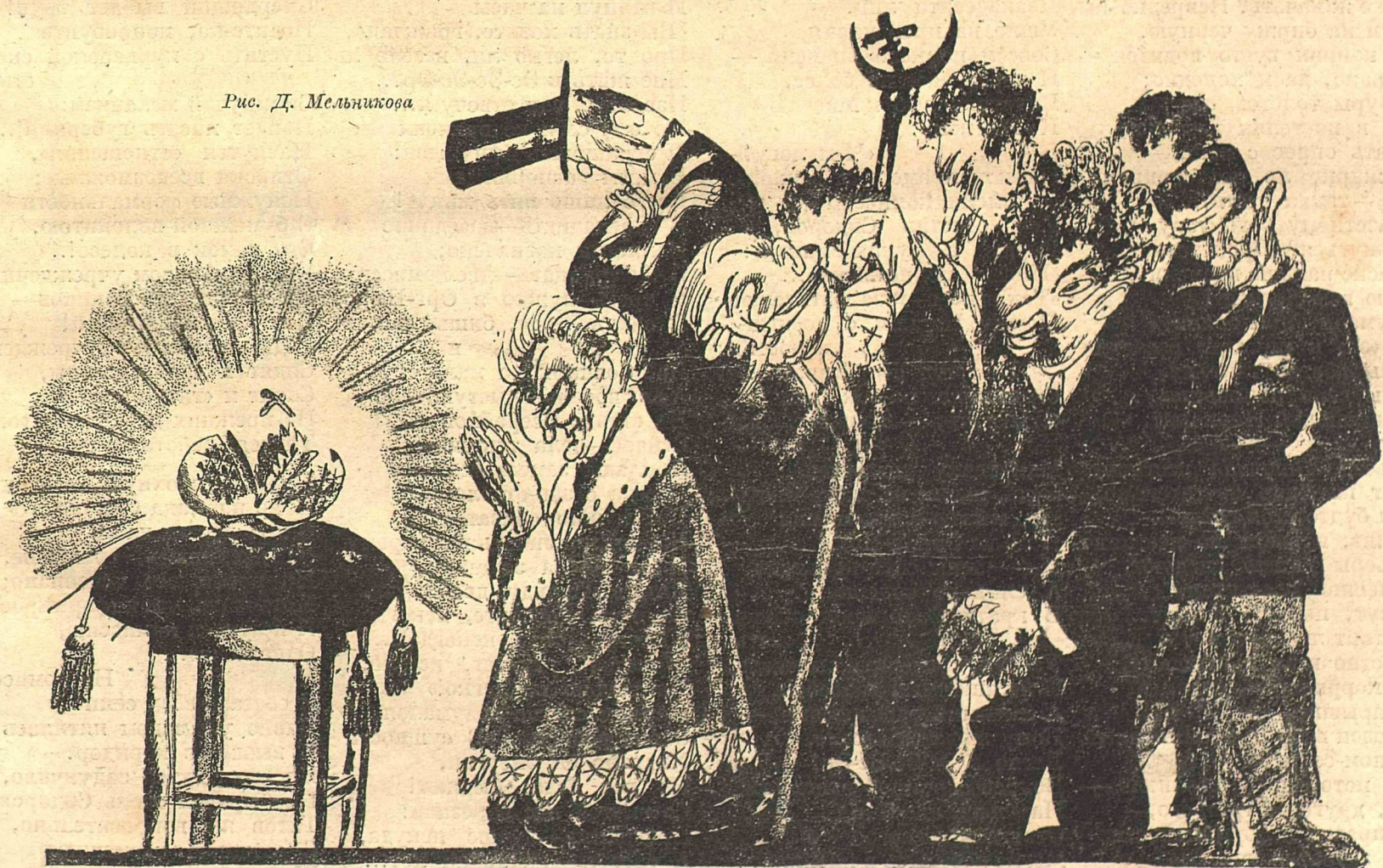
— Вот, говорит, я тебе и на свечку принес: ложись, брат!

Насилу бабы Ивашку выручили—засек бы до смерти! И что вы думаете—с тех пор о ворах и слыхом не слышно! Ивашке мат пришел—идет по деревне, а ему:

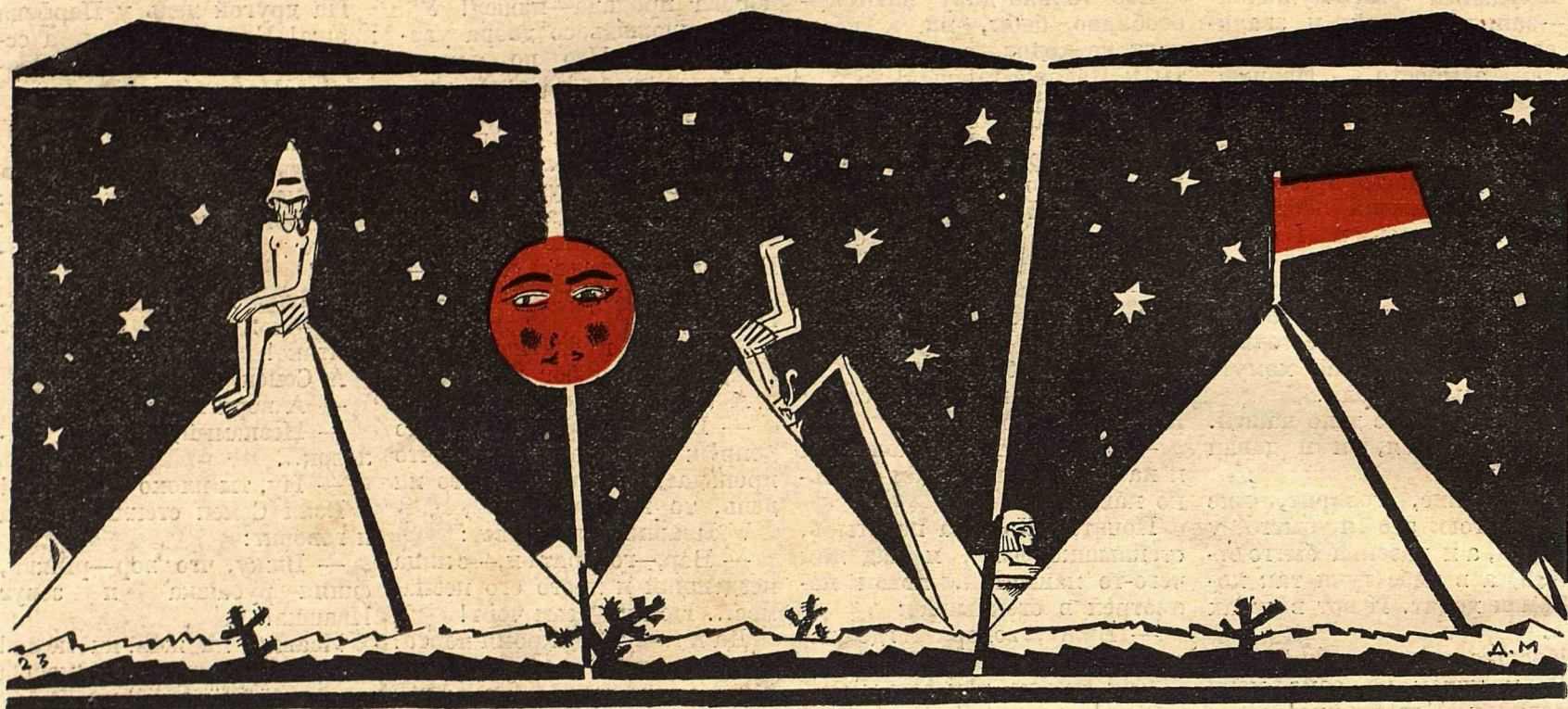
— Эй ты—чудотворец! Прозорлив-прозорлив, а что Семен в мешке принес, того, небось, не увидел!

Матвей Кредит.

Рис. Д. Мельникова

Русская эмиграция в своей коронной роли: Врешковская, Милюков, Чернов, Керенский, Савинков и иже с ними скорбят о утрате религиозности в русском народе.

Восьмая казнь египетская, которая угрожает английским фараонам.

Кому в С.С.С.Р. жить хорошо.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Вооружась мандатами
С печатью, штампом, с под-
писью
Начальствующих лиц,
Пошла искать комиссия,—
Распрашивать, выведывать:
Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр?
С кого ж начать? Невредно бы
Зайти на биржу черную,
Где нэмпан густо водится.—
Но рано, да и холодно;
Совбуры толстозадые
Еще в постелях нежатся;
Начать опрос с попа,—
Не жирно ль долгогривому
Попу—такая честь?..
К газетному редактору
Толкнуться? Пропечатает;
Огласке раньше времени
Затею всю предаст!
Подумали, поспорили,
Все «за» и «против» взвесили
И, выработав тактику,
Стопы свои направили
В ближайший Наркомат.

Подъезд. Большая лестница.
Стоит швейцар мечтательно,
«Как будто стоя спит»..
И вниз, и вверх по лестнице
Курьеры важно следуют,
Неспешно посетители
Ползут, ползут, ползут...
Но стоит ли описывать?
Известно всем и каждому,
Что коридоры—длинные,
Совбарышни—сердитые,
И грозен взор начальственный
Зам-пом-секретарей;
Что, поторчав у столиков,—
Того, другого, третьего,—
На справки и формальности
Часа затратив три,
Вы в двести пятой комнате
(Стоп номер сто тринадцатый)

Получите ответ:

«Да что же вы: неграмотны?
Да что же вы: не видите?..
Чтож, носом ткнуть прикажете.
Вас в черное по белому:
Прием до двух часов!»..
Но это—вы услышите...
У членов же комиссии
Мандаты были грозные,
Солидные, серьезные,
С печатями, за подписью
Дванадцати лиц.
Ушло на пререкания
Совсем немного времени,—
И через час, не более,
Впустили всю комиссию
К Наркому.

«Чем могу?»—

Нарком промолвил вежливо.
От имени комиссии
Ему ответил Сидоров,
Держа в руках мандат:
«Имеем полномочия»..
«Так вы бы—к заместителю!»—
Сказал Нарком с поспеш-
ностью:
— Товарищ секретарь!»..
Склонивши на-бок голову,
«Простите,— молвил Сидо-
ров:—

Минуточку внимания...
Ведь, мы же не рабкринщики,
Не местно-комитетчики
И не из Эр-Ка-Ка;
Мы—члены спец-комиссии,
А ей дано задание:
В кратчайший срок обследо-
вать
Узнать, проверить, выведать,—
И не анкетным способом,
А личными расспросами,—
Кому живется весело,
Легко в Эс-Эс-Эс-Эр!
Вопрос огромной важности,
Научного значения...
Ответа ж на него
Мы не добились в прениях,
Да и нельзя немедленно,
В пленарном заседании,

Решить такой вопрос!

Дебаты были долгие:
Петров сказал, что нэпману;
«Наркому»,—молвил Сидоров,
Покорный ваш слуга;
«Совбуру толстозадому»,—
Сказал»..
«Простите, некогда»—
Нарком прервал с улыбкою
(Не очень, впрочем, радост-
ной)

И глянул на часы.
«Вы знать хотите, граждане,
Про то, легко ли, весело ль
Мне жить в Эс-Эс-Эс-Эр?..
Извольте, вам отвечу я...
Но сам себя во времени
Я ограничить вынужден:
В моем распоряжении
Всего лишь пять минут!
В двенадцать—заседание
Коллегии назначено;
В час тридцать—две комиссии;
К трем—нужно в Орг-Бюро.
В шесть... где, бишь, заседа-
ние?...

Да, Совнаркома малого!
А в восемь—выступление
На съезде Всерабкоп.
Сейчас—дела текущие:
Доклады заместителя,
Беседа с зав-отделами...
Да: нужно обязательно
Брошюру кончить к завтраму
И от Це-Ка задание:
Дать в «Правду» две статьи.
Скучать, поверьте, некогда
(Обедать—тоже некогда)...
Живется... может, весело,
Но только не легко!»
Нарком слегка задумался,
Затем добавил: «В сущности
Хватило бы энергии,
Но вот беда: бюджет!
Со сметой нас разрезали:
Программа—лучше некуда,
А средств—наплакал кот...
Но... (вновь Нарком задумался)

Но... разве только бедностью

Болеет Наркомат?
Машина бюрократии
Идет скрипуче, медленно...
У ней—своя механика,
А справиться с механикой
Бессилен и Нарком.
Подите-ка, попробуйте
Живое начинание
Прогнать сквозь строй чинов-
ников:

Смердящий выйдет труп!
Подите-ка, попробуйте
Пустить с курьерской скоро-
стью

Скрипящий механизм:
Пойдет писать губерния!..
Начнутся «отношения»,
Отписки всевозможные;
Ненужные формальности
С бумажной волокитой,
Сто палок в колесо!..
Ведь в каждом учреждении
На дюжину работников—
Дваgrossа чиновшей!
Ведь, в каждом учреждении
Сидят и черносотенцы,
Сидят и «титутлярные»
Из прежних департаментов;
Таится саботаж!»

Нарком вздохнул, часутился
И из кармана брючного
Опять достал часы:
«Я извиняюсь, граждане,
Но время все исчерпано;
Хоть жаль, что информировать
Я не успел комиссию,
Однако ж»...

Но комиссия

В составе всех семи
Давно уж задом пятилась
И вышла в коридор.
Петров пыхтел задумчиво,
Был мрачен очень Сидоров,
Титов же вопросительно,
С ехидною насмешкою,
Шипел ему: «Ну, что?!»

Грамш.

АНГЛИЙСКИЙ АППЕТИТ.

Бонап-Лоу выжидает, когда обе борющиеся в Рурской области стороны — французы и немцы — в достаточной степени истощатся и будут вынуждены принять от Англии помощь на тех условиях, на которых будет выгодно английскому капиталу. (Из телеграмм).

Рис. М. Черемных.

Английский кордор:—Когда же они подохнут, проклятые? Возьмется-возьмется, а все никакого толку! А у меня такой аппетит разыгрался,—кажется, я целый Рур проглотил-бы, да и их в придачу!..

Игрушки, которых недостает многим детям.

КОНСУЛ.

По возвращении из третьей поездки, дипкурьер приглашается в кабинет; замзав приветливо придвигает стул и говорит:

— Вы назначаетесь консулом в Веравул.

Дипкурьер взволнованно бормочет что-то невнятное, чувствует сильное головокружение, и приходит в себя только в приемной.

— Вы знаете,—хвастливо заявляет он секретарю,—я назначен консулом в Веравул.

— В Веравул... Где он, однако, этот Веравул? — задумчиво повторяет секретарь.

— Правда,—хлопает себя по лбу дипкурьер,—я и позабыл спросить, где он.

Оба вооружаются картами и географическими атласами и безнадежно разыскивают будущую резиденцию консула.

После длительных колебаний избирается примерный маршрут.

— Во всяком случае Веравул где-то на востоке,—соображает консул,—покупает пробковый шлем и Винчестер и едет по направлению к Индейскому океану. В поезде консул раздает случайным попутчикам только что сделанные визитные карточки:

Апполинарий Кинкулькин
Консул РСФСР
В богатейшей провинции
ВЕРАВУЛ.

В Баку консул узнает, что Веравул находится вовсе не в Индии, а значительно ближе, на русско-персидской границе. Консул садится на пароход, невыносимо страдает от морской болезни и совершенно обессиленный высаживается в Энзели.

— Странно,—бормочет он, оглядывая пустынную пристань,—неужели персидский шах не успел приготовить почетную встречу?

Консул долго стоит на песчаном берегу и ждет. Тщетно. Никто не является приветствовать консула, и разочарованный дипломат бредет в контору Центросоюза выяснить, как проехать до Веравула.

Дорога отчаянная, экипаж подпрыгивает на кочках, как воробей. Но кон-

сул зажимает глаза и предается сладким мечтаниям.

— Восток... — думает он, — тропические сады, прекрасные гурии, белые слоны, львы, гаремы...

Резкий толчок возвращает его к действительности. Экипаж попадает в глубокую канаву и опрокидывается, возница-перс вопит, как зарезанный, а навстречу мчатся с ружьями на-перевес три ободренных всадника.

— Разбойники, решает дипломат. В голове с быстротой экспресса проносятся обрывки рассказов о зверствах шахсаван, и консул мысленно прощается с жизнью. Всадники подъезжают, и обрadowанный путешественник узнает, что это почетный конвой, посланный губернатором Веравула.

Через два часа консул въезжает в грязное персидское селение и тщетно разыскивает подобие губернаторского дворца. Невзрачный перс подходит к нему и приветливо здоровается.

— Надо что-нибудь сказать,—силится консул вспомнить хоть одну из выученных перед поездкой турецких фраз. Увы, тряска по колеям опустошила голову консула, и он говорит первое попавшееся на язык: «Кепай-оглы».

Губернатор багровеет, отплевывается и гневно отходит от экипажа.

— Батюшки,—вспоминает дипломат,—да ведь это по-мусульмански—«собачий сын». Дипломатические отношения испорчены, и консул с тоской думает о погибшей карьере.

К вечеру стараниями переводчика конфликт улаживается. Консул сидит у губернатора, пьет чай с кишмишем и обменивается дипломатическими нотами.

— О, высокопочтенный друг,—говорит консул,—весь мир поручил мне приветствовать этот союз.

— Благодаренье Аллаху,—отвечает губернатор,—дружба двух великих государств укрепляется. Однако, священная особа моего друга-консула, да продлит Аллах его дни, причинила мне не малое огорчение.

Консул вторично приносит свои извинения, и мир восстанавливается.

Последующие дни консул изнывает от ничегонеделанья и решает заняться охотой. Квартирохозяин жалуется на кабанов, ежедневно опустошающих бахчу.

— Я вас избавлю от хищников,—решительно говорит консул, и надев

шлем, с ружьем наготове, отправляется в камыши.

Выбрав укромное место, консул садится и ждет. Тяжелый шлем давит голову, комары мучат бесчисленными укусами. Проходит час. Консулом овладевает нетерпение. Неожиданно раздается шорох, и консул настораживается. Шорох переходит в шум, где-то, уже вблизи, с треском ломается камыш, и какое-то грузное животное движется в направлении засады. Охотник стремительно взводит курок, видит сквозь заросли что-то серое, удивительно напоминающее бурую щетину кабана, и с трепетом думает: «Если промахнусь, пропорет клыками».

Ружье дрожит в неуверенных руках, раздается выстрел, и опасный зверь тяжело падает на землю.

— Убил,—обрадованно восклицает консул и, пробежав по камышам, видит... сдыхающего буйвола.

Охота кончается выплатой 20-ти серебряных туманов владельцу погибшего животного и новым обменом дипломатическими нотами.

* * *

Через день консул пристраивается на чемодане и при тусклом свете восковой свечи пишет в Москву:

«Дорогая Маруся, уже неделя, как я в тропиках. Кругом растилаются первобытные прерии, опутанные лианами. Под каждым боабабом стережет смерть в виде змей и других хищников. Вчера с одним индейским раджей охотился на тигров. По окончании охоты, когда на десяти слонах с трудом были отправлены туши убитых зверей, огромный бенгальский тигр бросился на раджу. Несчастный выстрелил, но промахнулся и попал в железные объятия зверя. Мое ружье лежало далеко, но с быстротой сокола я очутился около погибающего и задушил тигра голыми руками. Спасенный раджа предлагает мне жениться на его дочери, но, верный тебе, Маруся, а также, опасаясь партийных неприятностей, я не могу породниться с представителями индийской аристократии...».

Консул откладывает письмо, мечтательно думает и, наконец, подписывает: «Нарком по делам Индии».

Апполон Кинкулькин.
Вершины Гималаев, дворец Раджи Мамед-Оглы.

Связ.

Паника.

В напманских сферах
Москвы ходит слух о яко-
бы предстоящем обложении
дорогих мехов и камней.

Снова нэпа загалдела.
Снова трепет по утрам.
Бросив дело, обалдело
Все разводят тарарам.

Тот горит, кипит, клокочет,
Прячет, носит и сует:
Этот шубу спрятать хочет
В древний бабушкин живот;
Тот в коробку из-под шляпы
Скрыл осенний макинтош:
Сей—со тьме подпольной сапы
Спрятал партию рогож;
Тот зарыл енотов пару,
Этот шапку... Все в поту...
— Миша, прячь kota в гитару!
— Маша, мопса под плиту!
— Пров Луквич, укрыви камни?
— Спрятал, черт бы их подрал,
Как на грех,—из Темрюка мне
Жернова Титов прислал.
— Петр Ильич, возьмите кожу;
Двести сорок... Франко—дом.
— Да! Узнают да обложат!..
Сам даю задаром лом!
— Коля, прячь брильянты в тряпку!
— Тряпка-ж ценность; отберут!
— Спрячьте шляпку!—Спрячьте
шапку!

Прячут зесь и прячут тут...
Все припрятали и скрыли
Люди волчьего труда,
Только жадности и гнили
Им не спрятать нигда!

Ехидна.

Геркулес.

— Ну-с, а теперь,—сказал секретарь ячейки,—мы вам покажем самое интересное.

— Как?—удивился я,—неужели у вас есть еще более интересное, кроме того, что я видел?

— Да что-ж вы видели!—усмехнулся секретарь ячейки,—машины, исправленные самими рабочими? Строющиеся новые корпуса? Клуб? Театр? Кооператив? Героев труда? Все это, может-быть, и интересно, но не совсем. Все это у нас, работающих здесь изо дня в день, не вызывает удивления. А вот то, что у нас вызывает удивление, я и называю самым интересным. Сейчас мы вам покажем нашего Геркулеса.

— Вероятно,—подумал я,—это какойнибудь кран, поднимающий сразу десятки тысяч пудов.

Но секретарь привел меня не в корпус, где могли быть молот или динамо, и не к подъемному крану, а в комнату заводского комитета, где за огромным письменным столом сидел и писал какой-то человечек с забинтованной головой и подвязанной левой рукой.

— Вот,—торжественно сказал секретарь,—познакомьтесь,—товарищ Рупоров!—и заметив мое недоумение, добавил:—наш Геркулес.

Если бы он сказал, что это человек, который ездит в московских трамваях или выступает на диспутах о живой и мертвой церкви, я, пожалуй, бы не удивился, но сказать о человеке низенького роста, с проломленной, вероятно во время попойки, головой и

переломанной рукой, что это Геркулес? Это было похоже на насмешку.

— Вы удивлены?—сказал секретарь, заметив мое недоумение,—товарищ Рупоров пишет в газетах, так сказать красный корреспондент, про которого и сказано,—секретарь взял со стола номер московских «Известий» и ткнул пальцем в подчеркнутые красным карандашом строки,—вот, читайте:

«Авгиевы конюшни советского Пошехонья,—прочел я,—пока еще, к сожалению, требуют своего Геркулеса, и красный корреспондент—этот Геркулес—должен быть уверен, что в его героической борьбе с коммун-падурством, мракобесием, хулиган-

ством, жульничеством, личной его безопасность будет обеспечена».

— Прочли?—спросил секретарь,—ну-с, а теперь смотрите и слушайте! Вот эта рука,—указал он на перевязанную руку Рупорова,—сломана после заметки о мастере, продававшем самогон; пролом головы получен после корреспонденции о старом правлении кооператива, растратившем собранные рабочими деньги, ножевая рана на спине, которую вы не видите и которая уже зажила, получена за разоблачение старого директора, занимавшегося спекуляцией и биржевой игрой.

Секретарь долго перечислял проломы, переломы, ранения, побои.

Казалось, в теле Рупорова не было кусочка, не отмеченного какой-либо корреспонденцией.

А он, скромно молчавший во время секретарского объяснения, взял со стола бумажки и улыбувшись сказал: — Вот, пишу корреспонденцию о коммунисте, венчавшемся в церкви и о коменданте нашего общежития, укравшем казенные дрова...

* * *

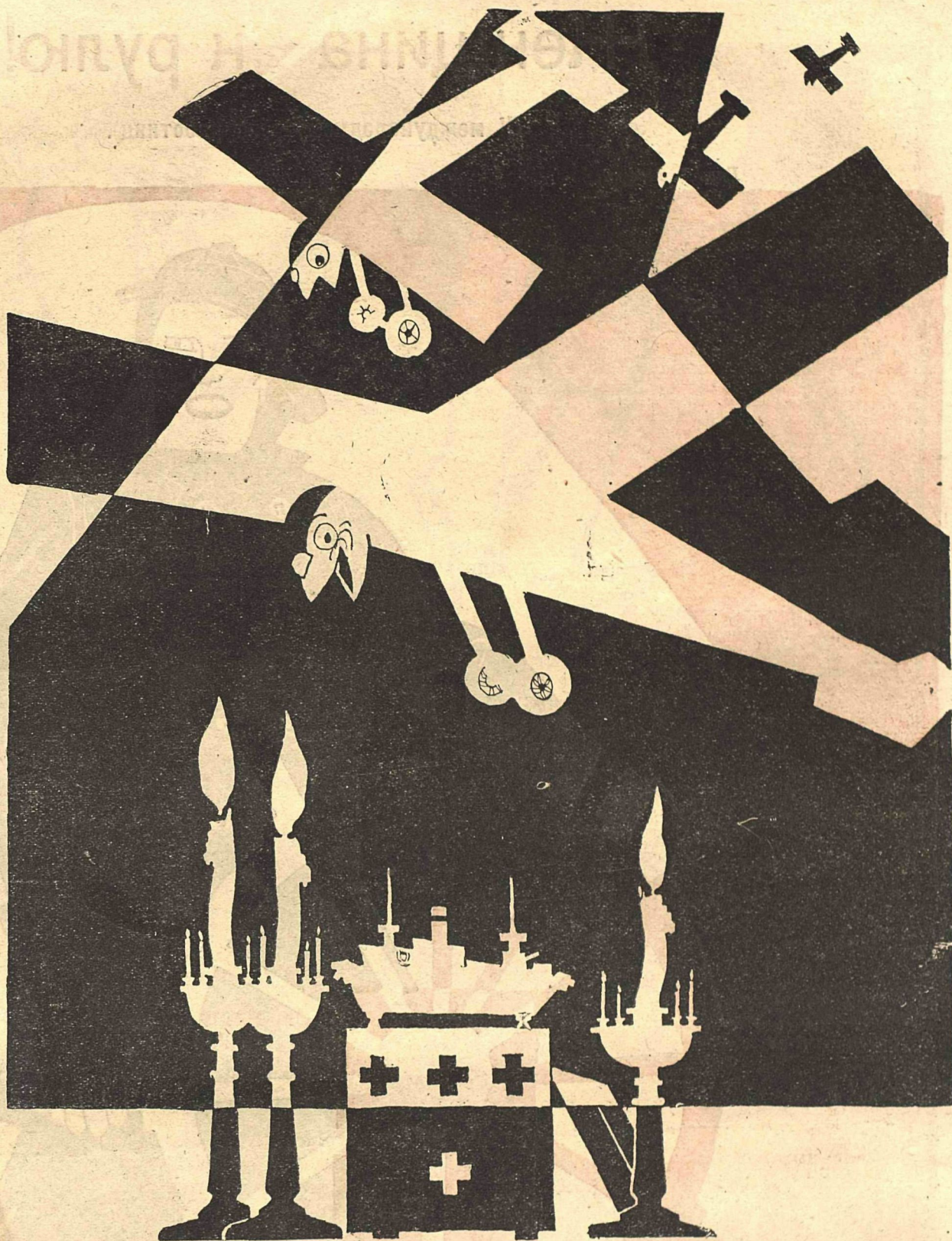
— Ну?—спросил секретарь, когда мы вышли,—как вам понравился наш Геркулес?

— Да!—ответил я.—Действительно. Это самое интересное, что я видел на вашем заводе.

Архип Южный.

Рис. Д. Моора.

„Дредноут скончался—будущее принадлежит авиации“.
Адмирал Скот.

„Птичка божья на гроб опускалася
И, чиркнув, летела в кусты...“

(Некрасов. „Похор ны“).

Женщина — к рулю!

(К международному дню работниц).

Рис. Д. Моора.

D. MOOR. 23.

„Ум короток — долг волос“ —
Это ложь и клевета!
Те, кто в поле режет колос,
Нто героев воспитал:

Нто на фабриках, заводах,
В час разгула вражних сил,
Позабывши краткий отдых,
Для борьбы снаряды лил;

Нто помог ненастной ночью
Вспыхнуть утру Октября,
Женщины! вставайте прочно
У советского руля.

Вам в работе честь и место,
Все дороги, все права!
Вам придется ставить тесто
На всемирный каравай

ДОЛЮШКА ЖЕНСКАЯ.

Крестьяне решительным образом борются со стремлением их жен к общественной работе, применяя по отношению к ним самые суровые меры, вплоть до побоев.
«Известия».

Рис. Ив. Малютин!

— Ванятка, поддержи изверга-то моего: я на с'езд поеду.

— Слыхала, Марковна? Лексеич-то мой все образа пропил, с кивотами!
— Ох, ты, батюшки, грех-то какой!
— Вестимо, грех: я на эти образа пальто новое справить-бы могла!..

Конец небесной агрономии!

Рис. Д. Моора.

Среди крестьян царил вера в чудесную силу божества, посылающего с неба тепло, свет и дождь. Все дело улучшения земледелия находилось в руках попов, а не агрономов. „Веднота“.

Спустились небожители,
Угодники-целители
И встали в длинный ряд,
А власти наркомземные —
Земные, черноземные —
Поверку им творят.

Сам Власий, с ним и прочие,
До всяких жертв охочие,
Ведут такую речь:
— «У нас мандат от боженьки,
Поэтому и можем мы
Людей и скот беречь!»

Тут, встав, — весьма решительно:
— Мандаты недействительны! —
Ответил Наркомзем —
Прошли дела чудесные!
Вам в царствие небесное
Одна дорога всем!»

Налоговая политика.

«В Тамбовской губернии вводят налог на зарплату рабочих и служащих (больничный сбор), в другой — только по 10 уездам насчитано 38 незаконных налогов, в Киевской губ. — введен налог на обмундирование милиции, в Спаском уезде — на содержание пожарной команды, в иных налог на окна (жители наглухо заколачивают окна), в других — подымно (с трубы) и т. п.»

(«Правда» № 15).

Учитель начального училища Козодоев корову имел. И не то что какую-нибудь голландскую, а так буренушку колченогую. Ого, конечно, корову держать, не курицу. Опять-таки на жалование Наркомпросовское не проживешь, ежели к тому ж и детишек куча.

Жил учитель, и корова кой-как жила.

На тебе. Приходит из уездного Финотдела с книжкой какой-то, пожалуйста.

— Корову-де держите, вроде того молочное предприятие у Вас, стало-быть торговый налог причитается...

Закряхтел Козодоев, божится, молоко не иначе детишкам идет. Куда-там.

Загнал Козодоев пальтишко последнее, уплатил. Шасть, через неделю второй заявился:

— Потому, как корова сама по себе действует, а вы, например, от ее труда пользуетесь, подходит к тому, которые наемный труд эксплуатируют и налог с этого полагается.

Взвыл учитель голосом не своим, заплакал. Продав корову, выплатил все в копеечку.

Живет Козодоев, не то что о корове, о поросенке не помышляет. Одно только, собака во дворе, Жучка, почитай с десяток лет треплется.

Обложил Финотдел Козодоева собачьим налогом, взял. Утопил учитель собаку, думает: дудки, не подведешь, что теперь взять: опять же последнюю курицу в суп сплавил.

До того осторожен стал, воробей, скажем во двор влетит, сам Козодоев и палкой его, и камнем, — подальше, мол, от греха Финотдельского. Ан, нет. С другого конца начали. Пришел инспектор налоговый, спрашивает: — Это что, труба?

— Так точно, труба, — потому куда дыму без выходу деться.

Объяснил Козодоев, как следует, а у самого поджилки так и трясутся.

А тот: «Получите квитанцию, что подымный налог внесли!»

Затосковал учитель, в мертвую запил бы, когда бы денга водилась, а ей откуда быть, ежели три месяца жалование не плочено.

Да что. На одной тоске не выедешь.

Перестал Козодоев топить и трубу по кирпичикам разобрал.

Сидит, словом, жрет в сухоматку, одна грусть и ничего больше. На службу и ту ходить перестал, потому налог не налог, а сбор больничный выплачивай, да еще в Помгол отчисляй и в Союз и еще куда-то...

Сиднем сидит, через окошечко поглядывает, рядом детишки скулят, благодать и только.

А на улице похаживает какой-то и подсчитывает чего-то.

Подсчитал, и марш к Козодоеву.

— Извиняюсь, говорит, но полагается, чтобы пооконный налог собрать.

Закручинился учитель, окна забил, в потемках дрыхнет.

Таился до вечера, невтерпех стало, на двор, не пересилишь, собрался.

Приткнулся только, контролер Финотдельский вынул с книжкой:

— За дополнительную площадь — налог, да за канализацию — столько же.

Обомлел Козодоев.

Зарей собрал пожитки, прихватил жену с ребятами и за город...

Насбирал хворосту, дерн расчистил, шалашик возвел. Обжился малость, вышло вроде того, что на острове необитаемом. Тишина зато и покой, а спокойствие — самое главное...

Лежит раз в шалашике, в носу благодушно поковыривает, и на душе сладостно. Трах... словно зверь сучья ломает. Глянул учитель, ан, штаны прямо к земле и приросли.

Знакомый давишний карандашиком тычет и все метит:

— Первое — кричит: поземельный налог не внесли, второе, дело у вас выходит, что дровяное, а с обложением то как?

Ничего не сказал Козодоев, повернулся только и в лес шагнул.

Подобрал осину покруче, связал ремешок, с веревочкой, задел за сучек, повесился.

И. Кремлев.

ЛУНА-САБОТАЖНИЦА.

Рис. М. Черемных.

На ст. Сергач Московско-Каз. ж. д. из-за сугубой экономии керосина существует так называемое „лунное расписание“: поезд выпускают в том случае, если взойдет луна, без луны трудно подать на паровоз дрова.

„Гудок“.

Март 23

Нижний (верхнему):—Крепи луну, крепи, проклятую! Крюком ее да поглубже! Я луну знаю: посветит-посветит и удерет. А работы много: вон поезд отправлять надо, опять-же багаж без ее не нагрузишь...

Театр для себя.

В Вене и Белграде организуется общество чинов министерства финансов и министерства внутренних дел. Означенные чины ждут, что они вернутся на старые должности и хотят быть аждую минуту готовыми к этому.

Из газет.

Действительные статские советники Пирог и Ущемилов, очутившись за границей, очень плохо себя чувствовали:

— Привычка-с! — говорил д. с. с. Пирог — бывало, встанешь, кофейку выпьешь — и в департамент... Подписал сотни две ассигновок — в комиссию, по-сидел в комиссии — на совещание. И моцион и оклады и крестики... А теперь что?

— Тоска, Ваше Превосходительство, соглашался д. с. с. Ущемилов. — Бывало, приходишь в департамент: Поймали? — Поймали! Три потрясателя, пятнадцать неблагонадежных... Напишешь десятка два резолюций — одного в места не столь отдаленные сошлешь, другого — в весьма отдаленные, третьего — так в такие места, откуда никто не возвращался!..

— Комиссию бы... Мы раньше, как нет работы — сейчас комиссию!

— Старо!

— Особую комиссию!.. Ну-ка — по выяснению правил на предмет всекорейшего споспешествования всеобщему вредным мыслям искоренению...

— Это хорошо, только...

— Ну, другую — особое совещание по изысканию средств к возмещению убытков, происшедших от непринятых заблаговременно мер к предотвращению дерзких на основы государственного строя покушений... Это по финансовой части...

Если читатель из любопытства взглянет в тот город, где живут означенные выше д. с. с. Пирог и д. с. с. Ущемилов, служившие раньше один по финансовому ведомству, а другой — по ведомству внутренних дел, тот увидит самое интересное зрелище в мире!

В кафе «Досуг государственных мужей не ниже пятого класса» — бывший «Приют отставных администраторов» висит вывеска:

Департамент казначейства.

Другое кафе — напротив носит вывеску: Департамент Внутренней и Наружной Охраны.

Внутри этих кафе к каждому столику привешена записка: Директор — Секретарь — Вице-Директор — Управляющий Отделением — ниже чинов нет, потому что в Обществе участвуют только особы пятого класса.

В час дня директор департамента казначейства принимает с докладом подведомственных чинов м-ва финансов.

— На основании Ст. -17 Правил Высочайше утвержденных — отпустить австрийскому подданному Фридриху Шульцу чрезвычайным сверхсметным кредитом *пятьсот марок* в уплату за выпитый членами особой комиссии по исходатайствованию субсидий кофе...

Директор

Управляющий отделением (подпись)

Бумага идет от д. с. с. Пирого к с. с. Растратову — Главное Казначейство и Растратов пишет: отпустить. Управляющие отделениями выписывают ордер, дают ордер гр. Шульц, и гражданин Шульц идет к казначею, который заявляет, что денег нет. Тогда гр. Шульц протестует и требует уплаты. Опять пишутся бумаги и бумаги подписываются всеми, кто только привык подписывать бумаги. В виду того, что требований ежедневно поступает порядочное количество, денег нет и по счетам уже три месяца не платили, то работы у департамента и вместе с тем у д. с. с. Пирого хоть отбавляй. Сам собой возникают комиссии и подкомиссии — «об изыскании средств», «о смягчении сердец дающих субсидии» общества в роде — общества под девизом: «Рука дающего не оскудеет», имеющего отделения во всех крупных центрах Европы, где еще нет советского представительства.

Департамент Внутренней и Наружной охраны занимается другими делами. «Гражданин такой-то выражался неодобрительно о Николае Николаевиче» и Резолюция: «Взять на подозрение».

— Гр. такой-то публично заявил, что советская власть есть единственно законное правительство... Резолюция: «Большевик. Каторжные работы 15 лет». «Гр. имя рек выражает желание выехать в Россию». Резолюция: «Повесить по наступлении благоприятного времени».

Все бывшие чины министерства заняты делом, каждый из живущих русских и приезжающих немедленно берется на учет и заносится в список благонадежных и неблагонадежных.

Вешают тут же в кафе — пока заочно: пишут на бумажке имя приговоренного, выбирают палача из бывших врангелевских офицеров, прокурор читает приговор, доктор в чине не ниже V класса, священник, — присутствуют при казни. Записка с именем приговоренного висит три дня — потом вешают следующего — по очереди.

Д. с. с. Ущемилов занят весь день. — Как будто бы Россия... И при том настоящая — царская, — говорит д. с. с. Пирог.

— И к тому же в любое время можем вернуться к постоянным обязанностям! Практика-то какая! — соглашается Ущемилов.

И все еще они чем-то не довольны.

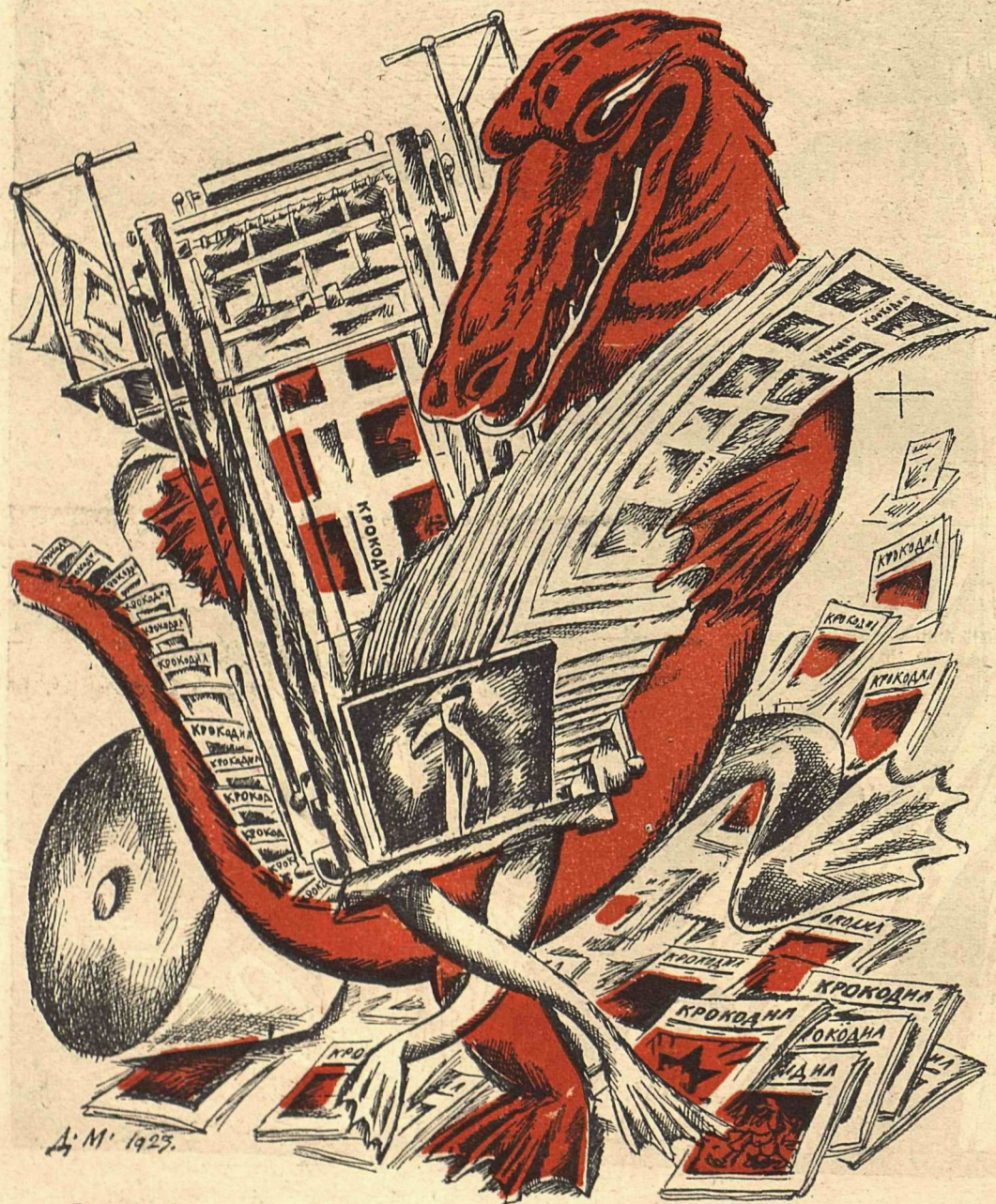
Баб. ял.

ТАНЕЦ ТИРАЖА.

За границей в настоящее время пользуется большим успехом новый танец под названием «Танец машин».

Из газет.

Рис. Д. Мельникова.

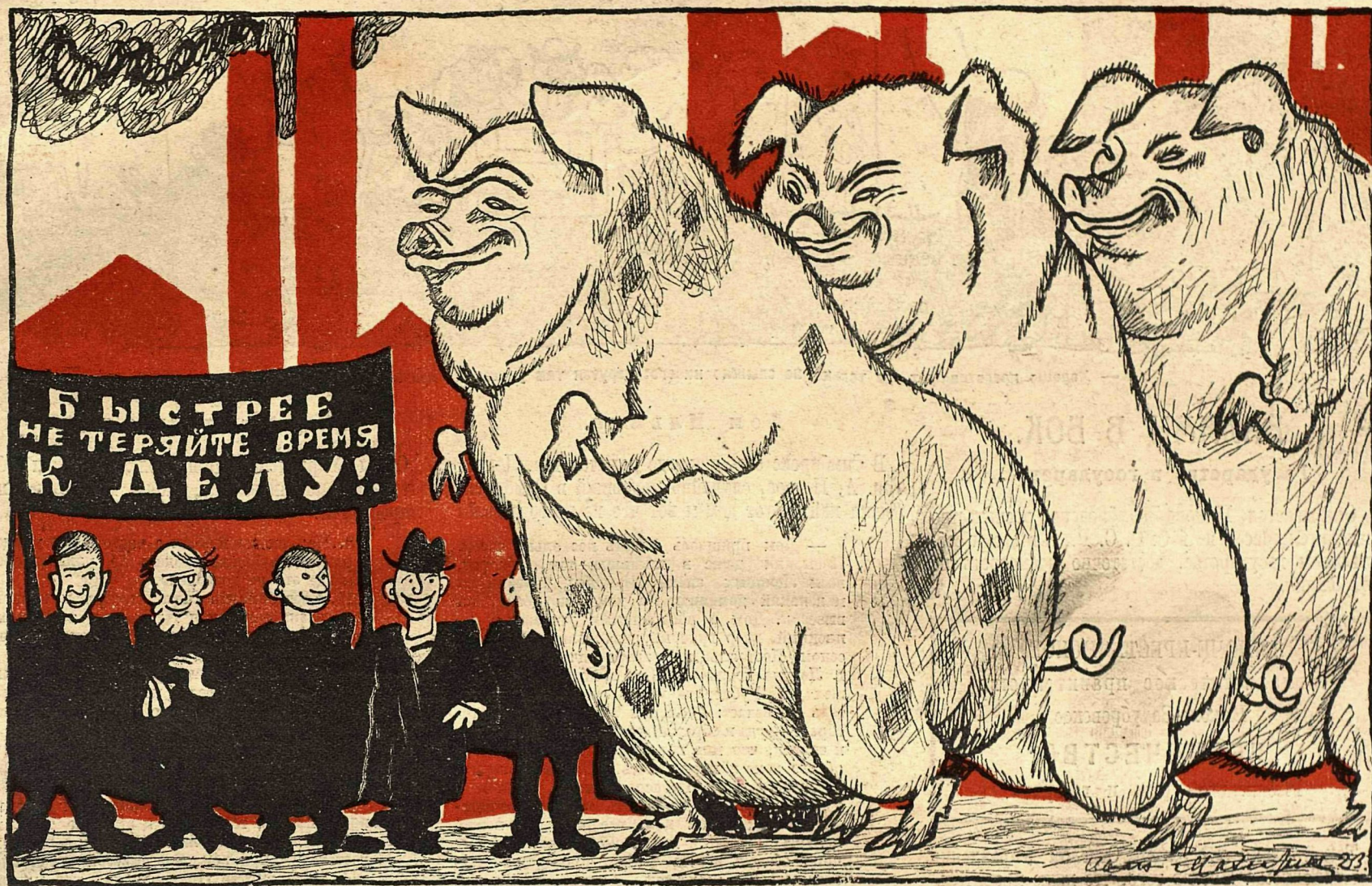
В типографской гуще звонкой
Бодро взявшись за бока,
Крокодил с ротационной
Лихо пляшет трепака.

Пляшет дино, пляшет яро,
Как не радоваться тут:
«Крокодила» экземпляры
С каждым туром все растут!

Заморские гости.

В Москву доставлены из Англии 20 вагонов с племенным скотом, главную часть которого составляют породистые свиньи. Встретить прибывших „англичанок“ собрались представители Наркомзема и Племульта — главные заказчики скота. („Беднота“).

Рис. Ив. Мамютина.

Ну и „хрюк“! Ну и фигура!
Не свинья, а тучный слон!
Наркомзем и Племульта
Под оркестра пляшут звон...

Все бодрей оркестр играет...
Флаги, речи и цветы...
И букеты получают
Заграничные скоты.

САПОГИ.

Сапожник Фунтиков, работавший от хозяина, нес сапоги заказчику Доброликову.

— Как же это так!—думал Фунтиков.—Я—сапожник, двадцать лет шью сапоги, а сам хожу без сапог.

Горько стало Фунтикову.

— Как же это так!—думал Фунтиков.—И хозяин мой ходит в сапогах и жена хозяйская ходит в ботинках, а моя жена ходит босиком.

Вошел Фунтиков на Смоленский базар, видит: все торгуют, все продают. И опять напало на него глубокое размышление с глубоким огорчением.

— Как же так!—думал Фунтиков.—Все торгуют, все продают, а мне и продавать нечего.

В это время увидал он на руке своей сапоги, которые нес заказчику Доброликову, и явилось у него твердое решение,—продать сапоги во что бы то ни стало. Тут же нашелся покупатель. Сапоги были проданы.

В это время прошли мимо Фунтикова двое «веселых», чертили ногами базарную площадь. В пивной напротив играл граммофон, за столиками

сидели люди с деньгами, пили пиво. И напало на Фунтикова в третий раз глубокое размышление:

— Что же это такое! Все пьют самогонку с пивом, и ноги у всех играют весело. Почему же я не пью? Почему мои ноги не должны играть?

Зашел Фунтиков в пивную—через час и его ноги заиграли. Шел он улицей из пивной и никак не мог отыскать сапожную мастерскую. Вот будто тут стояла и будто тут. Когда отыскалась сапожная мастерская, не было сапог. Пришел заказчик Доброликов, говорит:

— Где сапоги?

Фунтиков сердито сказал:

— Украли!

— Кто?

— Вы украли мои сапоги, а я надел ваши, потому что вы жалованье маленькое платите. Понятно? Плати хорошее жалованье и сапоги будут целы.

Товарищ МУУР сказал Фунтикову: — Ты ведь ходил по базару с пивными, теперь надо немножко походить тебе. А если хочешь носить сапоги, требуй их от хозяина через профсоюзы, путем организованным.

Зубон.

КОНФЕРЕНЦИЯ.

У Ермолая случилось несчастье: жену его Авдотью выбрали делегаткой на волостную конференцию. У Герасима случилось еще большее несчастье: жену его Анну выбрали делегаткой на уездную конференцию. Ходят два мужика по двум улицам, ищут двух баб. Кулаки у обоих увесистые.

— Ты сколько раз ударишь? спросил Ермолай.

— Раз по голове и раз по зубам.

— Мало!—сказал Ермолай.

— Почему?

— Потому что твоя Анна выше моей поднялась, ей и накласть надо побольше.

— Это верно!—согласился Герасим.—Ну, чтобы ей черту остаться на волостной? Шутка ли дело теперь: придется гнать на станцию—в город доставить и опять лошадь гнать на станцию, чтобы из города домой доставить. Пешком пустить—полгода проходит.

Пришел Герасим домой в большом расстройстве. Размахнулся только по голове Анну большим кулаком утратить, а Анна за стол укрывшись, сейчас схватила, держит мандат в руке, говорит:

— Будешь драться, я на губернскую конференцию поеду и расскажу там публично, как ты меня тиранить... А бить не дам—сунься-ка, без носу будешь.

Плюнул под ноги себе Герасим, думает:

— Погоди, я те до отъезда то еще залапаю. Не все с секачем будешь ходить... Я тебе покажу губернскую конференцию за волосянку.

А Анна опять говорит, будто его мысли читает:

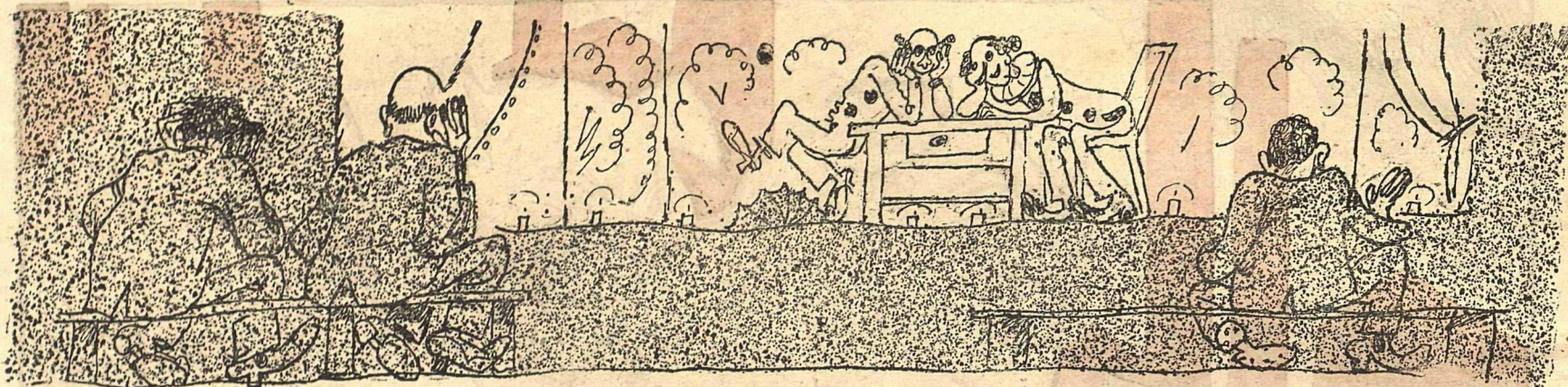
— За губернскую конференцию изобьешь, я в центральный женотдел подам, а тебя все равно не испугаюсь... А только ежели хоть пальцем тронешь—гражданский развод тебе дам, только ты меня и видел.

Сезисный.

У КАЖДОГО СВОЙ ВКУС.

Рис. Ив. Малютина.

Во многих селах наряду с культурными развлечениями происходят кулачные бои. Из газет.

— Хорошо представляют, да только не слышно ничего: дерутся там у театра, кричат благим матом!

ВИЛАМИ В БОК.

Государство в государстве.

Оказывается, Николо-Задубровское лесничество находится совсем не в С. С. С. Р., а в своем собственном государстве, достаточно посмотреть на его бланк:

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ
социалистическое правительство
Николо-Задубровское
„ЛЕСНИЧЕСТВО“
Рыбинского уезда и губернии.

Такой бланк утвержден Отделом Управления Рыбисполкома. Против того, что наше правительство рабоче-крестьянское и социалистическое, — возражать не приходится. Но тогда почему бы не писать на бланках:

«Первая в мире республика Труда», «Советская Россия», «Страна Советов», «Республика рабочих и крестьян» или уж совсем поэтично: «Страна, где свергнут гнет капитала»?

Поэзия, конечно, хорошая вещь, но увлекаться ею не следует даже рыбинским самостийникам.

Дом Ильича.

В Симбирске есть дом, где родился тов. Ленин. Тов. А. Петров, случайно попавший в Симбирск, решил найти этот дом и вот что из этого вышло:

— Дом пришлось искать несколько часов. Посылали даже в милицию — там, говорят, всех Лениных знают. Наконец, указали на маленький домишко. На доме ни доски, ни вывески. Дом с ободранными углами, облупленный, двор грязный, заваленный мусором и сеном. Постояльцы во дворе ничего о жизни т. Ленина не знают. Для точных справок зашел в Губисполком, а там письмоводитель отвечает: — «Ленин служит в Наробразе — туда и обращайтесь!» Указал на портрет и сказал, что мне вот этого Ленина нужно и об его доме я хочу узнать. Пробовал говорить с председателем Губисполкома т. Рейном о том, что надо бы сохранить такую достопримечательность, как дом, где жил наш вожь и наша гордость. Тов. Рейн сказал, что ему пора обедать и «за такими пустяками» надо обращаться в жилотдел. — А если, говорит, вам интересно, из какого камня и теса сделан дом, — обратитесь к редактору местной газеты — он вам все объяснит.

Ну, товарищи симбирцы! Если дома, где жили Гончаров и Карамзин, имеют доски и содержатся в относительном порядке — разве не заслужил того же дом, где жил наш Ильич? Товарищи, поинтересуйтесь «такими пустяками» и о результате сообщите «Крокодилу».

Предусмотрительные люди.

Отдел Управления Донисполкома издал обязательное постановление, коим, между прочим, запрещается:

8. Нарушение правил о чистоте на улицах, а равно допущение бродить по улицам скота там где это не дозволено.

11. Своз павшего скота, мусора и нечистот не в назначенное для того место, а равно разливание или разбрасывание последних при перевозке.

13. Препятствование проходу по мосткам и тротуарам, или проезду по дорогам и улицам, оставлением на них громоздких предметов, или иным каким-либо способом.

15. Переезд, переход или протаскивание чего-либо через железную дорогу в то время, когда это не дозволено.

31. Выставление без надлежащей осторожности клеток, горшков с цветами и тому подобных вещей на окна и балконы, а равно недостаточное прикрепление вывесок или ставней.

45. Непринятие установленных мер к отращиванию опасности, могущей произойти от домашних животных.

В высшей степени предусмотрительные люди живут в Ростове на Дону! Жаль, что они не воспользовались «Уставом о благопристойном обычае поведения» Щедрина, где в дополнение к выше приведенным есть такое правило:

«При входе в баню воспрещается снимать с себя одежду прежде, нежели войдешь в притвор».

Рис. Ив. Малютина.

— Эх, хорошо почесать кулаки! Зря только тут рядом театр выстроили — разгуляться негде!

ТОРГОВЫЙ НАРКОМПРОС.

(Коммерческая быль).

В Коллегии.

— Не перейти ли нам на хозрасчет?— говорил на заседании коллегии Замнарком Мухитлинов.

— Хозрасчет, — обрадовался начупродснаб, — правильно, всякая школа заштатная и та на самоокупаемости, а мы...

— А главное, чтоб товарообмен был, — развивал свою мысль Мухитлинов, — спичек, например, коробка в Москве — четыре миллиона, а взять хоть бы в Вятке... Вот и гони в карман чистоганом, одних процентов штук триста наживешь. А там второй оборот и поехало...

И, вооружившись карандашом, зам занялся странными вычислениями.

— 800% прибыли, — восхищенно воскликнул он.

— 900%, — поправил начупродснаб.

— Разрешите заказать новый штамп, — почтительно сказал секретарь, — чтоб соответствовало. Не Наркомпрос, а Наркомпросторг.

Спец.

— Товарищ Мухитлинов, позвольте вас познакомить со спецом, — доложил начупродснаб.

— Кутыров, — представился неизвестный, — разрешите аванс...

— Сразу видно, что спец, — подход деловой, не что-нибудь, — подумал замнарком и отдал необходимые распоряжения.

Мандат.

«Дан сей Никите Кутырову в том, что он командирован для закупки шерсти, муки, гвоздей, рельс и прочего сырья на Украину, Мурман, Кавказ, в Сибирь, Чехославию и другие города. Закупленные продукты может отправлять в любой пункт, в свой, Кутырова, адрес и на предъявителя, равно и вовсе не отправлять. По реализации таковых товарищ Кутыров может покупать на вырученные деньги шолковые и трикотажные изделия, косметические и гигиенические препараты и прочие предметы первой необходимости для Наркомпросторга Крыма. Товарищу Кутырову представляется право требовать вагоны и поезда, а также принимая во внимание переживаемый голод, говорить по прямому проводу и т. п.

Рис. М. Черемных.

В виду первостепенной государственной важности возложенных на тов. Кутырова заданий, все военные, гражданские и проч. власти благоволят оказывать ему всемерное содействие в общереспубликанском масштабе.

Подписи.

Телеграмма.

Из Тифлиса Симферополь замнаркомпросторгу.

«Купил. Переведите триста.

Кутыров»

Записка по проводу (из Москвы).

Крым Наркомпросторгу

«Выгодно продал. Переведите пятьсот. Кутыров».

Рис. Д. М.

Интервью.

...«В беседе с нашим корреспондентом замнаркомпросторг сказал: «Бьем разруху собственными силами». Далее замнарком указал, что, очевидно, в ближайшее же время наркомат, (бывш. Просвещения) окончательно преобразуется в синдикат. Что же касается предстоящих перспектив, то, в связи с прибылейшими торговыми операциями Просторга, оклады учителям в этом же месяце будут увеличены втрое»...

Письмо сельского учителя Голодайло.

«Дорогой брат. Живу не плохо, ибо некоторые живут еще хуже. Жалованье с тех пор, как ушел из дивизионной школы, не получал. Пока промышленя охотой на крыс. Т.-е. не то, что по борьбе с ними, а так, если хорошо сварить, есть можно. А все-таки мечтаю о говядине покрупнее. Вчера докурил последнюю арифметику, а больше писать нечего.

Твой брат Павел».

В Совнархоз Крыма.

«Наркомпросторг просит сделать распоряжение о немедленной передаче ему всех поступающих товаров и магазинов, в виду предстоящего на днях прибытия огромного количества закупленных товаров».

Замзав (подпись).

Телеграмма.

Симферополь Просторгу.

«Заключил несколько особовыгодных договоров. Подробности почтой. Переведите тысячу телеграфно. Кутыров».

Протокол дознания.

Я, участковый милиционер, тов. Фунтиков, снял сле в следующем. Опрошенный учитель Голодайло показал, что, проходя мимо церкви, на него напали неизвестные крестьяне села Сытые Выжимки, как-то: Дмитрий Петрозавчук с сыном Никифор Былин и тамошний лавочник Мокродопуло. По причине вышеизложенного: перечисленный на сем учитель был избит с поломом двух ребер и прочими незначительными повреждениями, как-то, пролом черепа, за незаконное присвоение собаки.

Вышеупомянутое животное найдено мною в квартире пострадавшего без задних ляжек и других признаков жизни, каковые оказались им, Голодайлом, съеденными.

При сем препровождается арестованные мною по обвинению в покушении граждане. (Фамилии).

Телеграмма.

Крым Наркомпросторг.

«Перепродал. Выезжаю Крым. Переведите шестьсот. Кутыров»

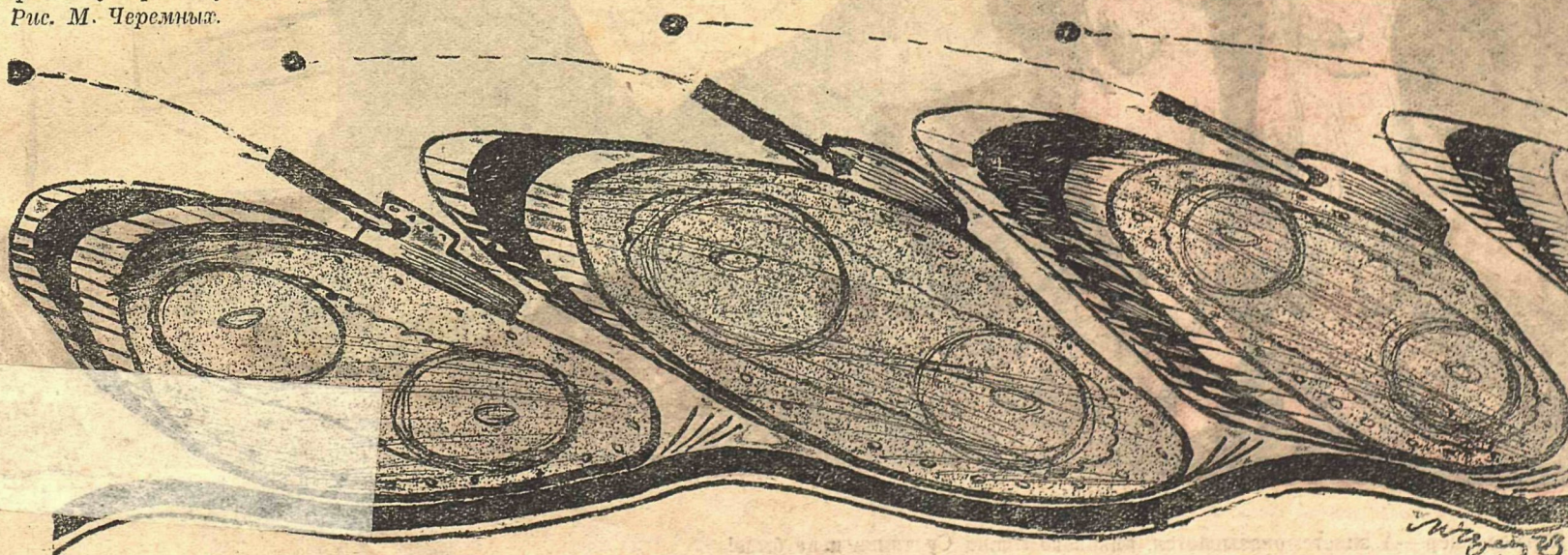
Библиотека „КРОКОДИЛА“.

Печатается и скоро выходит в свет

сборник рассказов

„ПРИКЛЮЧЕНИЯ“.

Рисунки худ. **Ив. Малютин**.

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Историк Костомаров уверяет, что знаменитого патриота Ивана Сусанина никогда не было и что он был выдуман в угоду самодержавию для поддержания его престижа.
(Из библиографической заметки).

Антрепренер.—А знаете, оказывается, никакого Ивана Су:анина и не было!

Актер:—Что вы чепуху мелете! Я его двести раз пел! Успех колоссальнейший! Портсигары! Цветы! Овации! Слезы! А вы говорите: „Костомаров“!..

Времена меняются...

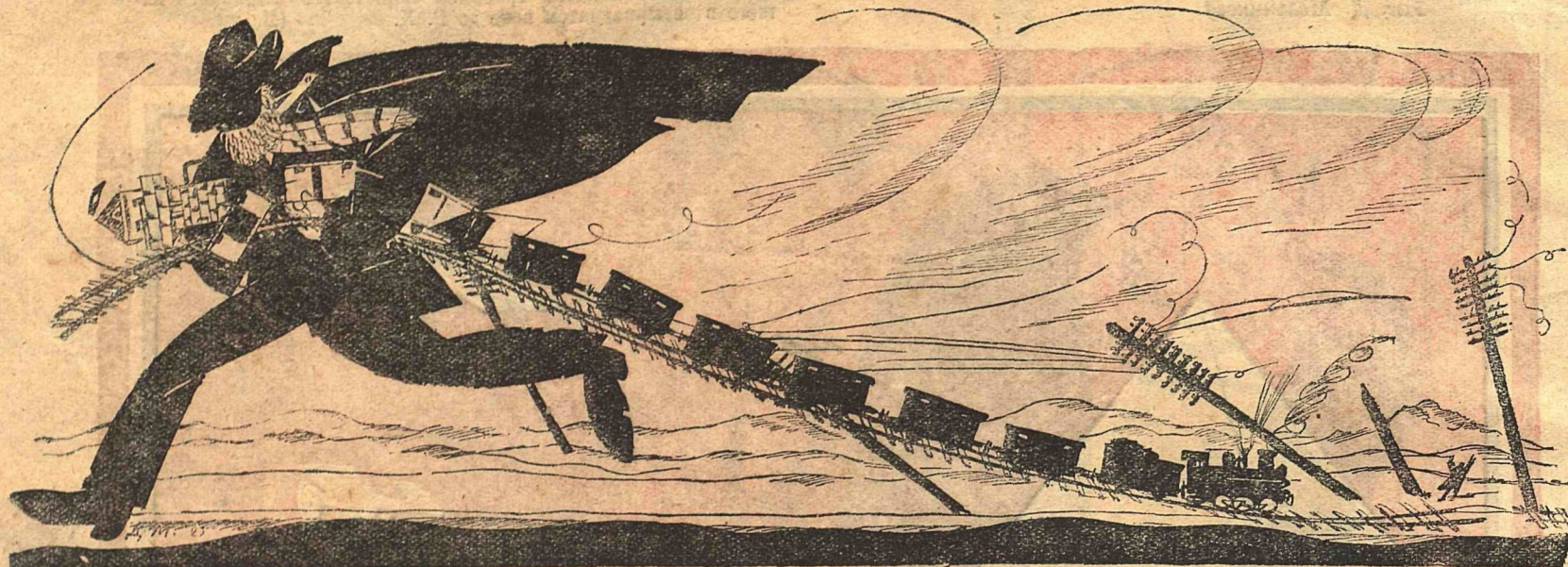
Рис. Д. Мельникова.

В Египте найдена гробница египетского фараона, жившего в четырнадцатом веке до Р. Х. (Из газет).

Египтяне: Товарищи, изучайте историю! В древности фараоны угнетали евреев,—был исход евреев из Египта. Потом фараоны угнетали наших отцов и дедов, но произошел вход англичан в Египет и исход фараонов из Египта. Теперь англичане зафараонились и гнетут нас—мочи нет, но в Египет вошли коммунисты, которые зовут нас восстать и произвести исход из Египта, как английским, так и египетским буржуям. Это, братцы, дело! Как вы думаете?

Рис. Д. Мельникова.

Полиция г. Амьена усердно разыскивает воров, похитивших железно-дорожную ветку в два километра длиной между Амьеном и Пюизье. Похищены рельсы, стрелки, телеграфы, сигналы, будки, вся линия, выстроенная во время войны. („Известия“).

Украсть железную дорогу очень просто...

ВИЛАМИ В БОК.

Гоголь превзойден.

У Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» говорится, как буря свинья утащила из суда прошение. То, что произошло в Рыбинске, превосходит даже гоголевскую фантазию:

При ревизии заготовок в Рыбинске в складе не хватило оправдательных документов. Долго их искали, и, наконец, все квитанции и счета нашли в мешке с мукой, изъеденном крысами. Бумаги также были изъедены и в них лежали 3 поворожденных крысенка. Р. К. И. пришла в затруднение.

А по-нашему—дело просто: в виду пристрастия заведующего складом к разным мелким животным и в виду того, что мыши ему уже сослужили службу, показать ему, где раки зимуют. Пусть он с ними позабавится.

Распивочно и расписочно.

Комсомолец Черный пишет:

«Уважаемый Крокодил очевидно, ты ничего не делаешь.

В нашем Новозыбковском уезде, Гом. губ. самогонка до того вошла в обиход, что председатель сельсовета Денисковской волости, Козаков, при сдаче дел вновь избранному сельсовету представил оправдательные документы, среди которых попались следующие:

Расписка на 3.000.000 руб. за 2 бутылки самогонки, и расписка на 2.000.000 руб. за 1 бутылку самогонки. Вышли кусочек твоего хвостика, чтобы немного подстегать Умилицию».

«Крокодил» кусочек хвостика посылает почтой и надеется, что новозыбковская уездная власть запишет председателю Козакову его расписки ему в «кредит».

Впавшие в детство.

Старые черносотенные зубры, скопившиеся за границей, чрезвычайно заняты вопросами... омолаживания.

«Руль» рассказывает.

Появившаяся недавно газетка «Что дала» выпустила с тщательно сделанным изображением Кирилла Владимировича, представленного в виде какого-то семнадцатилетнего херувима. Чтобы не ударить лицом в грязь, высший монархический совет преподносит своим читателям «дорогой новогодний подарок», помещая портреты Марии Федоровны и Николая Николаевича, снятые, примерно, 40—50 лет тому назад.

Третий монархический грузин преподнесет, вероятно, портрет самого Николая последнего, снятым в то время, когда он был грудным ребенком.

— Посмотрите, дескать, у него еще и зубы не прорезались, а вы говорите—кровавый!

Напрасно обидели.

В союзе водников Котласского Рупвода в финансовом отделе служил некий счетовод Муксунов. В один прекрасный день обнаружилось, что сей счетовод был жандармом. Выставили. Муксунов... обиделся и подал такое заявление:

«Врагом советской власти, а также товарищам рабочим и крестьянам я не был и не буду, что вполне подтверждается фактом, а именно тем, что я с 1-го мая 1915 г. по революцию служил на станции Котлас... жандармом».

И никакой тебе справедливости в советской России нету! Служил честно, ташил и не пушал, за крамолой следил и вот тебе такая обида! Действительно, понапрасну обидели человека!

Вершки, мешки и смешки.

Тов. А. Дмитриев сообщает любопытную историю, как «Центротрест» заготавливает хлеб:

Для обеспечения рабочих хлебом «Центротрест» по соглашению с «Центрокооперативом» отпускает последнему на реализацию партию московской мануфактуры из расчета по одному аршину ситца за пуд хлеба, а необходимое количество порожних мешков.

«Центрокооператив», в целях приближения товаров к потребителю, отпускает мануфактуру Губкооперативам, но учитывая тяжесть налогов, организационных и прочих расходов—удерживает в свою пользу по 4 вершка с аршина.

Райсоюзы (уездная кооперация), в целях дальнейшего продвижения товаров и сбыта их в самую гущу потребительской массы крестьянского населения, отпускают мануфактуру для реализации на хлеб Сельским Кооперативам, но учитывая... и прочее—удерживают в свою пользу тоже по 4 вершка с аршина.

Сельские Кооперативы, получив на заготовку хлеба московскую мануфактуру по эквиваленту: 4 вершка за пуд, учитывая и не учитывая, тешатся уговорить крестьян отдать хлеб... даром...

Кому достаются вершки, кому возвращаются порожние мешки, а напма-нам смешки да смешки.

Даже фамилия царская.

Завком Ковровского завода № 4 просит содействия:

Правильность распределения жилой площади Ковровским Коммунальным Отд. доверена бывшему виноторговцу и содержателю торговых номеров гр. Романову.

На что лучше довериться тому, от кого рабочему действительно можно ожидать всего, но лишь не справедливости! Очень бы хотелось, чтобы «Крокодил» хоть одним зубком уцепился за подобные явления.

Нэп, конечно, Нэп, но если идти по пути Коврова, то в завком нужно посадить бывшего хозяина, а в культ-просвет—попа.

Ведь в Коврове не мало безработных пролетариев—почему бы не использовать их для пролетарских должностей.

Ретивый псалмопевец.

А вот что пишут нам из Иновенской вол. Мологского уезда:

Председатель Иновенского волисполкома Лебедев, бывший в своем селе псаломщиком, разогнал волостной комитет взаимопомощи, превысив свою власть.

Крокодил предлагает откомандировать ретивого псаломщика по специальности: пусть его поет псалмы,—в вол-исполкоме ему не место.

К суду зверей и птиц!

Заведующий Совхозом «Юрьево» (Краснохолмского уезда) подал заявление на молвея в милицию за то, что тот съел озря на ивовых ветках. Такое же заявление подал на гусей и журавлей съевших тоже ивовые ветки. А на кордуса составлен акт в том, что он утащил двух гусей и цыплят.

А что если гражданин кордун на суде докажет свое алиби и попросит произвести дополнительное расследование на кухне заведующего совхозом?

Отжили угодники.

Во многих селах крестьяне церкви обращают в клубы. (Из газет).

Первым увидел Николай угодник в притворе. Вошел народ и не перекрестился. Стариков со старухами совсем не видать. Мужики молодыеда красноармейцы. Вторым заметил Георгий Победоносец на белом коне. Подскакал красноармеец к нему из армии Буденного, засмеялся.

— Хорошая лошадка намалевана!

Второй красноармеец подошел к Михайле архангелу с огненным мечом, покачал головой

— Плохой ты вояка, товарищ. С твоим оружием нынче ничего не сделаешь.

Князь Александр Невский и благоверный князь Владимир в чистеньких «буржуазных» сапогах и благоверная княгиня Ольга в новеньком платье думали, — свечки будут зажигать перед ними, масло в лампадах жечь, на колени встанут пришедшие, а молодые мужики с красноармейцами со стены снимают их. Загорелось княжеское сердце у Владимира с Александром, глянули в глаза пришедшим суровыми глазами, но красноармейцы не испугались: немало приходилось сражаться им с разными князьями на красных фронтах. Положили они Владимира с Александром в угол и Ольгу благоверную туда же. И Георгия на белом коне, и Михайлу с огненным мечом, и пророка Илью на огненной колеснице вверх колесами.

Застучали топоры, заиграли пилы.

— Что это такое? — спросил князь Владимир. Или храм ремонтируют?

— Клуб устраивают, — вздохнул Илья по стариковски:

- Зачем?
- Учиться хотят.
- А нас куда?
- В печку.

Наступила великая тишина. Слышно было, как постукивали топорами плотники, пилили пилами.

— Батюшка пришел! — сказали сложенные в углу угодники. — Обедню хочет служить.

Но когда прислушались повнимательнее, замерли от испуга:

— Никто не даст нам избавленья, Ни Бог, ни царь и ни герой, Добьемся мы освобожденья Своею собственной рукой!

Это пели молодые мужики с красноармейцами новую «обедню».

Зубон.

ШЕФЛЕР НА АЭРО.

Рис. Д. Мельникова.

На борьбу с саранчей Наркомзем решил двинуть летучих защитников на аэропланах. «Новая Деревня».

«Да-с, пришла лая эда! — Молвил Шефлер: — Полечу, И на новеньком аэро Догоню я саранчу!»

Взяв сачок в дорогу лучший, Он стрелой летит вперед, А внизу, собравшись тучей, Саранча колосья жрет...

ЛОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Москва.

Н. Печуреву. Писать вы можете, только сообщайте более интересные факты. Кое-что, вероятно, используем.

Работнице Полярной. Вся беда в том, что работницы, о которых вы хлопотаете, уволены за кражу. А если есть какие-то особые обстоятельства — то напишите подробнее и адресуйте «Рабочей Газете».

Юку. Для детей ваша вещь не годится по теме, и для взрослых очень уж «детская».

Т. Зю-нову. Если вы действительно ученик, — то да будет вам стыдно за такие темы! Рисунок не годится.

А. Давыди. — Ваше письмо передали в «Рабочую Газету».

Провинция.

Тверь — Абрамову. Не даром вы прислали ваш материал в конверте с траурной каймой: материал действительно мертвечинкой пахнет. Не пишите больше. Аминь.

Эмба — Н. С менову. Ваше письмо похоже на «Жалобную книгу» Чехова: — Проезжая мимо сей станции, у меня слетела шляпа.

Мы полагаем: слетела и пусть летит.

Армавир — С. Бакланову. На этот раз присыл ваш менее удачен. Кое-что все таки используем.

Майкопская кавдивизия — т. Бондаренко. Ваше письмо передано т. Демьяну Бедному.

Верхнеуральск — Ау. Ваше стихотворение запоздало, на эту тему уже был фельетон. Пишите еще.

Серпухов — рабочему Хитрому. Спасибо за материал. Ждем еще.

Рыбинск — Звонаро. Присылайте еще. Указания дадим.

Рыбинск эссе — А. Нестеренко. По обыкновению благодарим. На все ваши вопросы и запросы ответим специальным письмом.

И опять Рыбинск — Н. Кузьминой. Ваше письмо передали по назначению.

Нижегород — т. Петрову. Обязательно поднимем предложенный вами вопрос.

Надеждинск, Екатеринбургск. г. — т. Уральскому. Материалом воспользуемся. Шлите еще.

Ижевск — Карякину. Ваша заметка пойдет в «Дневнике Крокодила».

Петроград — т. Буланову. Вы не попали Крокодилей остро. Конечно, писать легче, чем рисовать. В этом-то вся и суть.

Саратовская губ. — Соколову. Ответим вам особым письмом.

Лысвенский завод — Евремову. Каток — вещь хорошая и нападать на него не следует.

Редактор — Редакт. Коллегия.

Издание «Рабочей Газеты».

МОСКВА, Охотный ряд, против Дома Союзов.

КРОКОДИЛ

Путь Красноармейца.

Рис. Д. Мельникова.

Пять лет я бил своих врагов,
С завода на коня я прыгал,
И после тягостных боев
Могу я взять спокойно книгу.

Не зря трудился я пять лет,—
СССР никто не сгубит.
Конец безграмотства петле —
Науки ме! ее разрубят!